

Рашидов С.Ф.

*Измаильский государственный гуманитарный университет
(Украина, г. Измаил),*

*профессор кафедры общей педагогики, дошкольного,
начального и специального образования,*

кандидат философских наук, доктор педагогических наук, профессор

ИСЛАМСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В СОВРЕМЕННЫХ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ КООРДИНАТАХ

Наверное, Гегель поторопился, когда в лекциях по философии истории в XIX веке утверждал: «...ислам уже давно сошел со всемирно-исторической арены и вновь возвратился к восточному покою и неподвижности» [1, с. 377]. Ислам, притягивающий и пугающий – повсюду. Мы каждый день слышим из СМИ нечто о религиозном, политическом, воинствующем или социальном аспекте мусульманской религии.

Очевидные в исламе доктринальные, конфессиональные, геополитические, экономические, этнические противоречия порождают массу конфликтов и создают угрозы не только исламской цивилизации, но и внешнему миру.

Бесспорным является факт отсутствия внутрицивилизационной солидарности в исламском мире. Приведем некоторые аргументы в пользу данного тезиса: вооруженные конфликты в мусульманских странах; отсутствие единой позиции мусульманских стран и правительств по тем или иным, затрагивающим интересы ислама проблемам; конфликты, порождаемые несовпадением этнической и исламской идентичностей; существование множества конфессий и течений в исламе с конфликтующими религиозно-теоретическими конструкциями; наличие в мусульманских странах огромного количества вооруженных экстремистских групп; отсутствие объединяющего государства-лидера в мусульманском мире; конфликты, в основе которых лежат геополитические интересы; политические режимы почти всех стран с доминированием мусульманского населения можно определить как авторитарные, нестабильные и конфликтотенные.

Причины этих конфликтов и противоречий зачастую заложены в истоках самой мусульманской религии. Во-первых, пророк Мухаммед

ясно не сказал, кто после него должен наследовать власть. И не было ему ниспослано откровения на сей счет. Мусульманские династии воювали друг с другом не из-за способа спасения, а за власть. Это стало причиной разделения мусульман на два главных течения – суннитов и шиитов. Каждая конфессия приводит свои доказательства (в виде хадисов) и считает, что истина, соответственно и власть, должны принадлежать исключительно им. Один только пример: для суннитов и их духовных лидеров алавиты (религиозное течение в шиизме) вообще не являются мусульманами. Для них это секта. Хотя известно, что Иран поддерживает Башара Асада именно потому, что последний является представителем алавитов. Понятия «суннитофобия» и «шиитофобия» в данном контексте представляются вполне уместными.

Во-вторых, неопределенный, зачастую противоречивый характер текста Корана (его переводов, толкований), хадисов и фетв. Содержание хадисов и вырванные из контекста Корана выражения часто становятся идеологической основой экстремистских группировок.

Конфликтогенный потенциал исламской идентичности заключается также в наличии нескольких уровней конфликтного социально-психологического самосознания у мусульман: одновременной идентификации себя как представителя собственного этноса (хотя известен тезис – в исламе нет национальности); политического сообщества (как сторонника или противника правящего режима); институциональных образований (выразителя интересов общественных организаций, муфтиятов); представителя определенной конфессии (сунниты-шииты и т.д.) и члена надэтнической общности – мусульманина с иной социальной (к примеру, светской, секулярной) и религиозной идентичностью (прежде всего с представителями авраамических религий). И доктринально, и идеологически, и, как следствие, поведенчески данные исламские идентичности порождают идеологию противопоставления и противостояния «Мы-Они». Негативная идентичность конструируется прежде всего образом врага. Тем самым создается атмосфера недоверия, фобий и в каждом случае иная идентичность воспринимается как конкурирующая с собственной. Противоречивая мозаика исламских идентичностей как политических и этнорелигиозных ценностных систем является одной из фундаментальных составляющих конфликтогенной природы исламской идентичности.

Ислам очень сложно втянуть в интеллектуальный диалог: сама исламская религиозно-общественная мысль особенно не утруждает себя внутренней критикой и установлением толерантного дис-

курса. На пути межконфессионального диалога внутри ислама стоят непреодолимые барьеры из религиозных догм. Мусульманские богословы на дух не переносят свободные дискуссии и критику (известно выражение: сколько имамов – столько и исламов). И как результат – пространство для толерантного отношения к иной точке зрения сужается или полностью нивелируется, а конфликтогенный потенциал исламской идентичности возрастает. «Попытки же мусульманских духовных лидеров представить ислам исключительно как «религию мира» (наиболее расхожее выражение в разного рода межконфессиональных диалогах) воспринимаются со скепсисом. Во-первых, имамы и муфтии редко бывают достаточно красноречивы, чтобы убедить людей в своей правоте. Во-вторых, по мере подавления свободы суждений звучащие из телевизора слова перестают вызывать доверие точно так же, как в недавние времена не воспринималась советская пропаганда. В-третьих, деяния исламских радикалов опровергают в глазах людей тезис о миролюбии ислама» [2].

Проблемы, связанные с противоречиями между конфессиональными идентичностями характерны не только для всего мусульманского мира, они также характерны и для Украины. В Украине сегодня функционируют сотни исламских организаций и несколько духовных центров – муфтиатов.

Опыт Украины показывает: развитие ислама в сторону увеличения институционализированных сообществ (как в организационном так и в идеологическом плане) неизбежно порождает конфликты, обусловленные идентификационными различиями. Вместе с тем вновь появляющиеся религиозные идентичности и их стремление актуализировать свою индивидуальную или групповую исламскую идентичности могут подвергать толерантность государства испытаниям: они настаивают, чтобы государство следовало демократическим принципам веротерпимости, толерантности и политики мультикультурализма. И вот тогда возникает множество вопросов и проблем, которые ставят государство в тупик.

Характер отношений украинского государства и исламской идентичности в перспективе будет определяться тем, насколько притязания религиозных идентичностей на сохранение своей самобытности будут совместимы с демократическими ценностями светского государства, глубиной и особенностями интеграции исламской идентичности в украинское общество, а также тем, в какой мере исламские организации в Украине станут (или не станут) проводниками инте-

ресов другого государства или иностранных псевдорелигиозных институций.

Национализация исламских идентичностей в контексте соблюдения прав человека, а именно свободы вероисповедания, нивелирует конфликты путем создания диалогического пространства и способствует установлению в обществе толерантных межконфессиональных и внутриконфессиональных отношений. Практика европейских стран является тому подтверждением: конфликтность европейской (или западной) исламской идентичности практически сведена на нет по сравнению с конфликтностью исламской идентичности в мусульманских странах.

В связи с этим насущной задачей как государственных, так и религиозных институций в Украине должно стать дополнение исламской идентичности политикой формирования общегражданской, надконфессиональной идентичности.

Литература:

1. Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. – СПб., «Наука», 1993. – 479 с.
2. Малащенко А. Каким нам видится ислам // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://globalaffairs.ru/number/n_7419.

Шаповал В.Н.

*Харьковский национальный университет внутренних дел
(Украина, г.Харьков),
профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин,
доктор философских наук,*

УКРАИНА ПЕРЕД ГЛОБАЛЬНЫМИ ВЫЗОВАМИ ВРЕМЕНИ: ВОЗМОЖЕН ЛИ ПРОРЫВ?

Существует достаточно аргументированная точка зрения, согласно которой история цивилизованного человечества представляет собой историю взаимосвязанных и взаимозависимых локальных цивилизаций [см.: 2; 5; 8].